

12+

Татьяна Гречко

**РОССИЙСКАЯ ОППОЗИЦИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ:
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ**

Татьяна Гречко

**Российская оппозиция
на рубеже XIX — XX веков:
между властью и обществом**

«Издательские решения»

Гречко Т. А.

Российская оппозиция на рубеже XIX — XX веков: между властью и обществом / Т. А. Гречко — «Издательские решения»,

В книге представлен опыт изучения политической оппозиции конца XIX — начала XX века через призму социальной истории России. Автор рассматривает процессы организационного оформления, формирования общественной базы и деятельности оппозиционных сил в условиях самодержавного режима. Особое внимание уделяет историографии и методологии исследования политической оппозиции. Книга написана на основе широкого круга источников, в том числе ранее не публиковавшихся архивных материалов.

© Гречко Т. А.

© Издательские решения

Содержание

Историография российской политической оппозиции на рубеже XIX — XX веков. Вместо введения	6
Глава 1. Оппозиция как социально-политическое явление России рубежа XIX — XX веков	14
1. «Оппозиция» и «политическая оппозиция»: к вопросу терминологии	14
2. Отношения власти и политической оппозиции	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Российская оппозиция на рубеже XIX — XX веков: между властью и обществом

Татьяна Александровна Гречко

Дизайнер обложки Владислав Гречко

© Татьяна Александровна Гречко, 2026

© Владислав Гречко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-9131-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Историография российской политической оппозиции на рубеже XIX — XX веков. Вместо введения

Дискуссии об органичной национальной модели развития России должны опираться на изучение начала тех процессов, которые продолжаются сегодня. Исследование исторического пути российской политической оппозиции как социального явления способствует осознанию и разрешению противоречий в отношениях власти, оппозиции и общества в современном историко-политическом процессе. Оппозиция относится к явлениям, которые вызывают научные споры и политические дискуссии уже на уровне сущностного определения. Публикация речей с критикой правительства — это интеллектуальная оппозиция или протестный настрой? Массовое организованное движение, выражение недовольства правящей верхушкой — это народная оппозиция или бунт? Раскол партии по методам работы в парламенте — это фракция или внутрипартийная оппозиция? О. Киркхаймер считает, что для современных политических систем характерны ослабление и исчезновение оппозиции, так как партии склоняются к объединению или соглашению с государством для рационализации структур и процедур. М. Дюверже подчёркивает, что идея подлинной демократии», эволюционирующей к однопартийности и плюрализму без оппозиции, способна вызвать иронию и скепсис. Г. В. Саенко разрабатывает теорию социальной природы оппозиции, а В. Я. Гельман утверждает, что сила оппозиции — в партийной работе, которая может обеспечить победу на выборах. При этом большинство исследователей согласны с тем, что на концептуальном уровне сложно анализировать оппозицию, не используя конкретно-исторический материал. Как сказал Р. Даль в работе «Полиархия: участие и оппозиция»: в каждом конкретном случае важно «учитывать профиль своей страны и вытекающие отсюда ограничения и возможности».

В поисках взаимоприемлемых, действенных форм и методов деятельности у истории есть чему поучиться и власти, и политической оппозиции. Развитие гражданского общества, политической культуры населения, партийной системы не ограничивается социальными и политическими аспектами, а затрагивает комплекс проблем социокультурного, социально-психологического, этического плана. В российской политической системе конца XIX — начале XX века опыт демократических отношений и народного представительства оказался незначителен: недолго просуществовавшее народное представительство, разогнанное Учредительное собрание. Политическая оппозиция не только не была услышана властью, но подвергалась преследованию и уничтожению. Обращение к данному историческому периоду позволяет вычленить комплекс ценностей и действий, который был характерен для оппозиции как социально-политической силы, но в последующем развитии оказался не услышанным и не востребованным.

Историографию российской политической оппозиции конца XIX — начала XX века можно условно разделить на три периода:

- 1) дореволюционный (конец XIX века — 1917 год);
- 2) советский (1918 год — конец 80-х годов XX века);
- 3) современный (начало 90-х годов XX века — настоящее время).

Каждому периоду соответствовали особенности социально-экономического, политического и культурного развития страны, отразившиеся на состоянии исторической науки, возможности исследователей использовать источники, цензурные, идеологические и другие условия.

Интерес к теме в первый период историографии проявился в ходе противоречивых процессов социально-экономического и политического реформирования России, подъёма общественно-политической активности. Источники подробно освещают вопросы оппозиционного настроения российского общества, «потoki общественной активности», выделяют в россий-

ском социально-политическом процессе конца XIX — начала XX века «массовую», «дворянскую», «земскую», «капиталистическую», «либеральную», «леворадикальную», «пролетарскую» формы оппозиции (1).

Слово «оппозиция» становится в этот период широко употребительным, особенно в полемических заметках и сочинениях лидеров политических партий, пропагандистских брошюрах. Вписалось оно в язык депутатов и в стенограммы заседаний Государственной думы, в протоколы съездов земств, городских дум, общественных организаций, политических партий (2). П. Милюков и Н. Бердяев в историко-политических и философских трудах особо выделяют оппозицию, исследуя и оценивая специфичные черты российской интеллигенции (3). В основе их работ лежит документально-публицистический материал, иллюстрирующий взаимоотношения власти и общества. Но в исследованиях дореволюционного периода историографии оппозиции мы зачастую встречаем не столько научное осмысление историко-политического явления, сколько констатацию факта, либо слово «оппозиция» используется как идеологическое клише.

Источники дают богатый материал для работы по конкретизации и спецификации слова «оппозиция» как исторической категории, но сами трактуют его чрезвычайно широко. «Оппозиция» здесь:

- характеристика общественного настроения, складывающегося вследствие ощущения социального дискомфорта;
- нравственная позиция российской интеллигенции;
- категория политики;
- позиция и характер деятельности общественно-политического движения или личности.

Очевидно, что в конце XIX — начале XX века под оппозицией понимали широкий круг общественно-политических явлений и событий, неоднородных и зачастую противоположных, а в полемической практике слово «оппозиция» стало модным. После опубликования Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании Государственного порядка» Россия оказалась в принципиально новых условиях существования: появилась реальная возможность для реализации назревшего общественного стремления к политической самоорганизации. Наряду с существовавшими к тому времени партиями неонароднической и социалистической ориентации, создаются партии либеральной направленности. При этом источники рассматривают образование политических партий (в том числе и вставших в оппозицию к самодержавию) и процессы выражения оппозиционной настроенности общества и его организаций как обособленные, лишь изредка пересекающиеся.

Например, авторы многотомника «Общественное движение в России в начале XX-го века» (выходил в Петербурге в 1909—1914 гг.) (4) описывали и анализировали формы «общественной» и «массовой» оппозиции. Они сделали вывод о назревшей к началу века необходимости создать организацию, выработать программные целевые установки для ликвидации аполитичности и стихийности форм «естественной» оппозиционной активности. Однако о процессах формирования политической оппозиции, влиянии на эти процессы оппозиционного настроения общества авторы пишут поверхностно. Такой подход отражал идеологические установки авторов и редакторов сборника — меньшевиков А. Мартынова, Л. Мартова, Д. Кольцова, Б. Горева (Гольдмана), А. Потресова и других.

Эпоха дореволюционной Думской монархии открыла возможности организованной политической деятельности для активных слоёв общества. Исследователи и публицисты для отражения данной ситуации и характеристики многообразных форм организации и деятельности политических сил, используют термин «оппозиция» в сочетаниях «либеральная оппозиция», «парламентская оппозиция», «политическая оппозиция». Эти эпитеты во множественном числе встречаются в источниках, освещающих программные установки, цели, формы,

методы деятельности партий. Чрезвычайно широкий круг таких источников можно разделить на три группы:

- 1) теоретические исследования современников по принципиальным вопросам формирования политических партий, роли и месте оппозиции в политическом процессе;
- 2) программные документы оппозиционных партий;
- 3) полемические статьи и исследовательские работы, отражающие отношения между оппозиционными партиями.

Первая группа источников не отличается широтой и многообразием (5). Объясняется это, на наш взгляд, условиями, в которых вынуждены были работать исследователи. Цензура и отсутствие возможностей для легальной политической деятельности делали небезопасными дискуссии о важности наличия в политической системе политических партий и естественности (!) существования политической оппозиции. Поэтому Б. Н. Чичерин, Ю. С. Гамбаров, М. В. Петрашевский и другие мыслители второй половины XIX — начала XX века, опираясь на материалы западноевропейской политической практики, не рассматривали напрямую возможность и необходимость политической оппозиции как явления в современной России. С другой стороны, когда процесс партийного образования и дифференциации стал реальностью, общественные идеологи направили усилия на популяризацию своих идей и взглядов для борьбы с самодержавной властью в конкретных условиях, и для глубоких теоретических исследований времени зачастую не оставалось.

Вторая группа источников освещает теоретическое многообразие вариантов преобразования российской общественно-политической и экономической действительности, способов их реализации (6). Заслугой исследователей и публицистов начала XX века — Л. Велихова, П. Катенина, Л. Мартова — можно считать сравнительный анализ программных положений политических партий, выявление «степени их оппозиционности» в ежедневной политической работе (7). Необходимо принимать во внимание, что эта литература имела больше пропагандистскую, чем исследовательскую направленность.

Третья группа источников важна для понимания духовной обстановки исследуемой эпохи, эмоционального настроения участников социально-политической жизни. Направление и характер полемики, которую вели на страницах печатных органов, пропагандистских брошюр лидеры и идеологи партий — В. И. Ленин, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков, А. А. Кизеветтер — даёт понимание, насколько разноплановыми и противоречивыми были представления о проблемах России, о методах их решения, о направлениях деятельности политически организованных и противостоящих царской власти сил (8). Как справедливо подчеркнул меньшевик А. Мартынов, речь шла об «оппозиционных, но крайне антагонистических элементах общества» (9).

Для историографии политической оппозиции дореволюционного периода характерна малочисленность научных исследований, и те базируются на материале западноевропейской политической практики. Вопросы организации, форм и методов деятельности российской политической оппозиции рассматриваются, как правило, в публицистике и партийно-пропагандистских материалах. Крупных работ, посвящённых исследованию отечественной политической оппозиции, в это время написано не было. Но в литературе обозначились направления спецификации и конкретизации слова «оппозиция» как исторической категории: от расплывчатого с точки зрения исторической логики понятия «простая оппозиция» к более точным и конкретным понятиям «либеральная оппозиция», «политическая оппозиция», «общественная оппозиция». Такого же деления будут придерживаться историки следующих поколений.

Историография советского периода десятилетиями стремилась доказать закономерность и историческую обусловленность однопартийной системы, политические альтернативы провозглашались заведомо тупиковыми. Аксиомой стало политическое и идеологическое убеждение всех общественно-политических движений и партий, отличных от правящей коммунисти-

ческой партии. Традиции исследования оппозиции в этот период заложили в своих статьях и речах И. Сталин и идеолог борьбы с оппозицией Ем. Ярославский. В 1923 году И. Сталин в статье «О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях тт. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого», посвящённой внутрипартийной демократии, предостерегал соратников об опасности дискуссий, способных «лить воду лишь на мельницу оппозиции» (10). А в речи на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 года Сталин подвёл символический краткий итог борьбе между партией и оппозицией: «не только партия, но и класс рабочих, не только рабочий класс, но и трудовые слои крестьянства, не только трудовые слои крестьянства, но и вся армия, весь флот стоят горой за партию, за правительство, против оппозиции, против дезорганизаторов» (11).

Ещё дальше пошёл в уничижительных оценках оппозиции идеолог сталинизма Ем. Ярославский, посвятивший разоблачению оппозиции в лице Л. Д. Троцкого ряд сочинений. В 1926 году Ярославский под оппозицией понимает «давлением буржуазии порождённое явление, в общей сумме враждебных подлинно пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, течений и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтоб создать свою пролетарскую партию» (12). Тем самым на высшем уровне отвергались плюрализм мнений, внутрипартийная демократия, возможность полного выражения интересов социальных слоёв, отличных от пролетариата.

Относящиеся к советскому периоду работы, посвящённые российской политической истории конца XIX — начала XX века, изобилуют формулировками о «банкротстве», «крахе» оппозиционных «буржуазных», «мелкобуржуазных», «контрреволюционных», «националистических», «непролетарских» и т. п. партий (13). Исследование непосредственно оппозиционных политических течений проводилось, как правило, на примере либеральной оппозиции, взаимоотношений либералов с царизмом. В работах Р. Ш. Ганелина, В. С. Дякина, П. А. Зайончковского, В. И. Старцева, Е. Д. Черменского и др. разработана концепция изучения организационных форм, направления и характера деятельности либеральной оппозиции — Конституционно-демократической партии, «Союза 17 октября», Прогрессивного блока (14). Дополняют монографическую литературу сборники документов и материалов по означенной проблеме, вышедшие в указанный период (15).

В оценках либеральной оппозиции авторами доминировала точка зрения, сформулированная ещё В. И. Лениным, который утверждал, что «колеблющаяся и изменническая» тактика российской оппозиции начала XX века своей «безвредностью... укрепляла ненавистную самодержавную власть, становясь помехой действительно борющимся революционным элементам» (16). Концептуальная роль закреплению в массовом сознании классового подхода к изучению политической истории России отводилась краткому курсу ВКП (б), вышедшему в 1938 году. Чеканность формулировок о том, что меньшевики скатывались «в болото соглашательства», а буржуазная либеральная оппозиция искала соглашения с царизмом, служили не столько научному осмыслению, сколько пропаганде единственно верной линии правящей партии (17).

Новый этап в изучении политической оппозиции относится к началу 90-х гг. и продолжается до настоящего времени. В это время впервые с 1917 года появились возможности открыто высказывать различные точки зрения и стали доступны новые архивные материалы. Выходят в свет монографии (18), статьи (19), сборники документов (20), отражающие различные аспекты исследуемой проблемы. В работах Г. С. Аноприевой, Н. Г. Думовой, Г. С. Еськова, В.С. Павлова, Т. В. Карпенковой, М.И. Шелухаева (21) анализируются программные положения оппозиционных политических партий, исследуются отношения политической оппозиции и самодержавия, оппозиционных партий либеральной и социалистической ориентации. Необходимый материал, помогающий исследованию оппозиции как субъекта политики, есть в рабо-

тах о тактике и деятельности политических партий конца XIX — начала XX века, но вопросы непосредственно оппозиционной политической деятельности в них не затрагиваются (22).

Определённый уровень изучения проблемы отражает коллективный труд «Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия», изданный в 1995 году (23). Авторы однозначно подтвердили методологию, заложенную в российскую политику в начале XX века и ставшую ориентиром для практической и теоретической деятельности власти: «всякая оппозиция, в принципе, — явление нежелательное, а когда „позволяют обстоятельства“, и недопустимое, но, если приходит пора считаться с нею, предпочтительнее навязывать ей правила игры „сверху“, все время меняя их в зависимости от соотношения сил в обществе в целом» (24). Оппозиционные политические силы исследуемого периода авторы сборника классифицировали по формам и методам деятельности: умеренная и радикальная, парламентская и непарламентская оппозиция. Основное внимание уделили либеральной оппозиции, проследили эволюция от интеллигентских групп и союзов до политических партий. Богатый фактический материал позволил авторам объективно оценить роль и место политической оппозиции в российской истории конца XIX — начала XX века как альтернативы существовавшему режиму. Но, отдавая дань традиции, исследование оппозиции авторы провели через призму взаимоотношения политической оппозиции с властью или правящей партией. Упор сделан не на выявлении сущности оппозиции как социального явления, укорененности ее в обществе, а на описании программных установок оппозиционных партий.

Современный период историографии оппозиции обнаруживает другую крайность, когда анализ и оценка историко-политических явлений осуществляются через призму «человеческого измерения». Так, зарубежные историки, рассматривая революционные события в России, оперируют понятиями так называемой «новой социальной и культурной истории», в которой доминирует социально-психологический и нравственно-оценочный подход. Американский советолог Ш. Фицпатрик при анализе российских революций во главу угла ставит мотивацию и целеполагание участников событий. Революционные события она рассматривает через призму «шизоидной» природы русского общества в начале XX в., в котором представители интеллигенции выступают носителями оппозиционных настроений и революционных идей. По её мнению, до прихода к власти большевиков оппозиция как политическое явление не могла сформироваться в силу отсутствия в российском обществе культуры политического плюрализма.

Американский профессор Л. Хеймсон, объясняя истоки русской революции, формулирует «альтернативу концепции непреложных исторических законов», в которой наряду с объективными аспектами исследует субъективные, например «эволюции менталитетов участников исторического процесса» (25). Так, формирование оппозиции учёный объясняет ростом неудовлетворённости в «слоях российского общества, наиболее вовлечённых в процесс модернизации и наиболее сильно испытывающих социальные и психологические последствия», отодвигая на второй план вопросы политического развития страны.

В 2014 году в России вышел в свет «Критический словарь Русской революции: 1914—1921» под редакцией Э. Актона, У. Г. Розенберга и В. Ю. Черняева (в США словарь был издан в 1997 году, в Великобритании — в 2001 году). Словарь представляет собой сборник аналитических статей американских, итальянских, британских, канадских, израильских и российских учёных, в которых революция октября 1917 года трактуется как «ось» событий периода кануна Первой мировой войны и до 1921 года. В статье, посвящённой событиям Февраля 1917 года, Ц. Хасегава пишет, что необходимо рассматривать оппозицию «шире партийных границ с открытой целью свержения правительства, одновременно найдя жизненно важную связь с массовым движением» (26). А в статье Р. Пирсона на примере «самого влиятельного деятеля оппозиции царской России» П. Милюкова исследуется классическая, по мнению ученого, цепочка формирования оппозиционного политика в России: от веры (идеологические убеж-

дения), через нужду (царские преследования) и до жажды деятельности (крушение карьеры). Собственно, через личность политика Р. Пирсон оценивает всю либеральную оппозицию в России как «неисправимо непоследовательную» и «непоправимо противоречивую», возлагая в этом вину непосредственно на Милюкова.

Анализируя зарубежную историографию политической оппозиции как социального явления, нельзя обойти вниманием труд Марка Стейнберга «Великая русская революция, 1905—1921», опубликованный в России в 1918 году. М. Стейнберг — классический представитель «новой культурной истории». Изучая то или иное событие, он ориентируется на то, как событие воспринимается современниками. Материалом для этого служат «первичные источники», созданные непосредственно в исследуемый период: статьи, воспоминания, письма, архивные материалы, которые отражают контекст истории через сконцентрированные эмоции, настроения, ожидания. Стейнберг обнаруживает прямую связь между революцией 1917 года и долгой историей русской политической оппозиции — это слово «свобода», которое к октябрю 1917 года «было объявлено лозунгом революции и стало ассоциироваться с лавиной смыслов...: концом принуждения, освобождением индивидуума, давшим ему (а в некоторых случаях и ей) возможность полностью реализовать свой человеческий потенциал, возникновением жизненно важной публичной сферы, обеспечивающей участие в политических и гражданских делах» (27). Материалы, собранные в книге, полезны для анализа событий конца XIX — начала XX века, но с учётом концептуальных положений теории М. Стейнберга. Тем не менее, исследования в рамках новой социальной и культурной истории подтверждают, что российскую оппозицию сложно полноценно изучать, опираясь лишь на узкий подход, не учитывая общественный контекст, оппозиционные настроения, традиции, устремления.

В отечественной исторической науке вопрос поиска методологии исследования политической оппозиции впервые поднял Г. В. Саенко. В работе «...оппозиция... оппозиция? Да здравствует Оппозиция! (Политическая оппозиция как социальное явление)» автор исследует российскую политическую оппозицию конца 80-х — 90-е гг. XX века в условиях многообразия и противоречия социальных процессов в стране, выявляет динамическую связь оппозиции, социальной структуры общества и характера государственной власти (28). Г. В. Саенко впервые сформулировал определение политической оппозиции как социального явления. Учёный подчёркивает, что предложенный им категориальный аппарат — это схема, которая отражает условия деятельности оппозиции в демократическом обществе и правовом государстве, поэтому он может быть использован для уяснения того, что такое оппозиция в теории, а изучение явления в рамках российской истории конца XIX — начала XX века потребует уточнений и дополнений. В работе «Оппозиция и общество: Россия 1990-х годов Г. В. Саенко пишет, что «чрезвычайно важно социальное назначение политической оппозиции в реализации целей развития человеческого общества, поскольку она обнаруживает себя в социальной структуре общества, одновременно будучи активным субъектом политических отношений в сформированной обществом системе» (29).

Методологически подход Г. В. Саенко наиболее близок нашей работе. Тем более, что современный этап историографии российской оппозиции конца XIX — начала XX века не отличается многообразием публикаций. В вопросах терминологии, например, встречается недопустимая для исследователей путаница. В статье «Россия в начале XX века. Власть, оппозиция, революционный террор: опыт современной историографии» Е. И. Подрепный, анализируя анализ историографии оппозиции, исследует как равнозначные явление террора и тех политических сил, которые были «гораздо левее либералов» (30).

Анализ историографии позволяет сделать вывод, что в работах отечественных и зарубежных авторов затрагиваются отдельные вопросы формирования и деятельности политической оппозиции. Как явление социальной истории России конца XIX — начала XX века данная научная проблема практически не разработана. Остаются нерешёнными такие вопросы

как специфика политической оппозиции в рамках российской социальной общности, влияние политической культуры населения на выработку программных целевых установок политической оппозиции, динамика социальной базы оппозиции, альтернативность как ключевая характеристика при оценке деятельности политической оппозиции.

В рамках системного анализа политического процесса на базе политологических категорий «политическая власть», «политическая деятельность», «партийно-политическая система» мы предприняли попытку обосновать концептуальную модель исследования оппозиции как социального явления. При этом подходе максимально учитываются временные и пространственные параметры, используется проблемно-хронологический анализ. Акцент ставится на исследовании структуры, форм, методов политической деятельности оппозиции, выявлении целеполагания и оценки её рациональности. Это позволяет приблизиться к осознанию оппозиции *как социально-политического явления*, выявить специфику феномена в комплексном социально-психологическом, историко-политологическом, социокультурном исследовании.

При этом политологический анализ предполагает разграничение конкретных субъектов политической деятельности, выделение в соответствии с этим господствующей линии политической деятельности, носителем которой является власть, деятельности партий и общественных организаций в русле этого направления, а также оппозиционной линии — противостоящей и альтернативной власти. За основу типологии взят критерий, использующийся в политологии — связь субъекта политики с противоречиями между частными и общими интересами общественных групп и подчинение разрешению этих противоречий.

При системном описании политической оппозиции необходимо выделить взаимосвязанные базовые характеристики, объединяемые в блоки: «острота социально-экономических противоречий», «структурная взаимосвязь власть — оппозиция — общество», «место в политическом пространстве», «форма политической деятельности и борьбы», «потенциал влияния на политический процесс», «спектр альтернатив». Это позволило, учитывая качественное своеобразие структурных элементов системы, объяснить специфику оппозиционной политической деятельности как процесса, определить необходимость и возможность реализации альтернативы в ходе социально-экономического и политического развития в контексте истории.

Хронологические рамки исследования — период с конца XIX века до февраля 1917 года — определяются логикой социально-экономического развития общества. В конце XIX века начинается процесс политической самоорганизации общественных сил, продолжившийся в начале XX века формированием многопартийности, политической дифференциацией и формированием политической оппозиции. В ходе февральской революции 1917 года принципиально изменилась политическая ситуация: политическая оппозиция стала властью и этот аспект требует отдельного рассмотрения.

Базовую группу источников для анализа роли и места политической оппозиции в социальной истории России составляют партийные документы: программы, уставы, протоколы съездов, конференций и заседаний, протоколы заседаний ЦК партий, резолюции, постановления, инструктивные письма, партийная переписка. Документы содержат данные о структуре партий, о позиции по вопросу о земле, о положении рабочего класса, о национально-государственном, политическом и экономическом реформировании России, т.е. по тем вопросам, по которым проходил водораздел между самодержавной властью и политической оппозицией.

Отдельную группу источников составляют стенограммы заседаний Государственной думы I — IV созывов. В стенах Таврического дворца озвучивались позиции власти и оппозиции по важнейшим вопросам жизни России, выявлялись глубина противоречий, возможности их разрешения у активных участников политического процесса. В следующую группу мы включили историко-политическую и социально-философскую литературу второй половины XIX — начала XX века: труды, обзоры, очерки, статьи учёных и участников общественно-политического движения. В их числе П. Аксельрод, А. Богданов, Ю. Гамбаров, С. Григорович, Ф. Дан,

Д. Кольцов, А. Кизеветтер, В. Ленин, А. Маклаков, Ю. Мартов, А. Мартынов, П. Милоков, В. Обнинский, Г. Плеханов, А. Потресов, А. Спиридович, Е. Трубецкой, А. Тун, В. Чернов, Б. Чичерин и др.

Несомненную важность представляют материалы периодической печати, партийных и правительственных изданий: журнал «Освобождение», издания общественно-политического и культурно-философского еженедельника «Полярная звезда», социал-демократические газеты и журналы «Заря», «Искра», «Наша Заря», «Новая жизнь», «Отклики современности»; издания Партии социалистов-революционеров «Дело народа», «Вестник русской революции», «Знамя труда», Народный вестник» и др.; кадетские газеты и журналы «Вестник Партии Народной Свободы», «Право», «Речь»; номера проправительственной газеты «Новое время» и «Правительственного Вестника».

Полную картину политической системы России конца XIX — начала XX века нельзя составить без официальных документов, регламентирующих общественно-политический процесс, таких как «Полное собрание Законов Российской империи» (31). Большой интерес представляют мемуары, которые не только выступают свидетельством современников событий, но позволяют уточнить эволюцию взглядов участников, лидеров политической оппозиции, определить, какие субъективные факторы оказывали влияние на партийно-политические установки (32). Широкий комплекс источников позволил создать основу системного изучения проблемы, акцентировать внимание на вопросах, не получивших ранее должного освещения в литературе.

Таким образом, нами представлен первый опыт изучения политической оппозиции конца XIX — начала XX века через призму социальной истории России. При этом оппозиция рассматривается как субъект социально-политических отношений, носитель альтернативных моделей развития страны. В ходе исследования выявлены особенности и противоречия, характерные черты сложного взаимодействия самодержавной власти, политической оппозиции и российского общества, раскрыты место и роль политической оппозиции, особенности ее функционирования в условиях самодержавной власти.

Глава 1. Оппозиция как социально-политическое явление России рубежа XIX — XX веков

1. «Оппозиция» и «политическая оппозиция»: к вопросу терминологии

Роль категорий и понятий в научном историческом познании трудно переоценить. Историки овладевают искусством оперирования этими логическими единицами в процессе исследовательской социально-исторической практики. Но довольно часто это происходит интуитивно и даже стихийно: при описании некоторых явлений и процессов, тождественных или сходных внутренней сутью, отличающихся пространственным или временным положением, либо сходных лишь по форме и различных по содержанию может произойти (и происходит) смешение понятий, наблюдаются различные трактовки какого-либо термина. Логическому процессу определения исторических понятий неизбежно предшествует анализ содержания обозначаемых ими событий и явлений по историческим источникам, а также ключевых определений, которые характеризуют конкретное событие или явление.

Исходное смысловое значение слова «оппозиция» мы найдём в толковых словарях. У В. Даля: «оппозиция — ж., латн., фрн., сопротивление, противостояние, — действие. Оппозиционный, супротивный, стропотный, спорный» (33). Данное толкование предполагает возможность использования слова в двух семантических аспектах: первый — противодействие, проявление активности, направленное против кого-либо или чего-либо; второй — определённая точка зрения, выражающая несогласие с чьими-либо взглядами, не влекущая, однако, за собой действия. В словаре у Брокгауза и Ефрона: «Оппозиция (от лат. *oppositio* — противопоставление) — слово О. означает, во-1, противодействие, борьбу против какой-либо господствующей силы; во-2, ту группу или те группы людей, которые ведут эту борьбу» (34). В данном случае выделен третий смысловой план слова «оппозиция»: субъект-носитель противодействия или противостояния.

Введение в научный исторический оборот слова «оппозиция» в качестве исторической категории возможно с учётом его семантической неоднозначности и многоплановости. В соответствии с принципами исторической логики такая категория будет характеризоваться как расплывчатая, рыхлая, с неопределённостью границ использования («группа людей», «точка зрения», «деятельность»). Устранение расплывчатости и неоднозначности, на наш взгляд, возможно в процессе исследования конкретных исторических явлений и событий. В результате можно отвлечься от «признаков, признаваемых несущественными», выделить существенные и отличительные признаки; выявить качественную особенность объекта или явления, проследить изменения признаков и объектов и в результате приблизиться к точному оперированию интересующим нас понятием, определить, насколько адекватно оно используется (или использовалось) в историко-политических исследованиях.

Понятие «оппозиция» широкое распространение приобретает в источниках с середины XIX века в историко-политической литературе публицистического и научного характера. Активно он используется в полемических заметках и сочинениях лидеров политических партий, исторических исследованиях, пропагандистских брошюрах, вышедших в первые два десятилетия XX века. Термин «оппозиция» вошёл в язык полемики депутатов и в стенограммы заседаний государственной Думы, в протоколы съездов земств, городских дум, общественных организаций, политических партий и т. п.

В 1866 году К. Д. Кавелин в письме к императору Александру II поставил последнего в известность об участвовавших «оппозиционных выходках и затеях» дворянства против правительства, которые проявлялись в неудовольствии совершенными и совершаемыми реформами. Автор «Записки об освобождении крестьян» писал царю: «Оппозиция эта готовила умы молодого поколения к неуважению правительства, она учила их не доверять его действиям, извращать его намерения» (35). Следуя традиции своего времени, под оппозицией К. Д. Кавелин подразумевал общественные силы, которые выступавшее привилегией представителей образованной части общества. Несмотря на имеющийся в записке призыв к императору бороться с такого рода «выходками», главным средством борьбы К. Д. Кавелин предлагал пассивное сопротивление со стороны власти, т. е. игнорирование запросов недовольной части дворянского сословия. К. Д. Кавелин полагал, что эти запросы преследуют узкие сословные интересы, не имеют опоры и отголоска в народе, у которого, по его мнению, не было причин не доверять самодержавию.

В 1879 году министр внутренних дел П. А. Валуев охарактеризовал противостояние «дворянство — правительство» как позицию критического нейтралитета со стороны дворянского сословия, выражавшуюся в нежелании как полностью поддерживать правительственные мероприятия, так и открыто выступать против них (36). В данном контексте слово «оппозиция» характеризует позицию представителей господствующего сословия, которое лишь при известных условиях и до известной грани решается на противостояние власти, не противодействуя ей. Позже русский философ Г. П. Федотов скажет о такой установке, что в ней есть «шум», но «нет и намёка не политическую оппозицию», т.е. на «стремление участвовать во власти или избавиться от власти царя» (37).

Меньшевики, авторы многотомника «Общественное движение в России в начале XX-го века» (Ф. Дан, П. Аксельрод, А. Коллонтай, Л. Мартов, П. Маслов, А. Мартынов и др.) активно использовали слово «оппозиция» при характеристике взаимоотношений государственной власти и общества, этих, по словам лидера октябристов А. И. Гучкова, вечно враждовавших между собой сил. В конце XIX — начале XX века вследствие накопленных нерешённых противоречий это противостояние особенно обострилось. Ощущение социального дискомфорта, недовольство политикой, проводимой государственной властью, интуитивно ощущаемое или реально осознаваемое, проникло в самые разнообразные круги общества. В условиях политической весны после убийства Плеве «оппозиционная бодрость» охватила даже те общественные слои, от которых трудно было в конце XIX века в России «ожидать чего-либо подобного»: инженеры, адвокаты, учителя, приказчики и т. д. В условиях относительной легализации общественной деятельности «оппозиционный обыватель осмелел и решил, что не все то, что запрещено, действительно неосуществимо» (38).

Современники писали, что «оппозиция была всюду, ею словно насыщен был сам воздух», но характерным признаком её была «отвлечённость, так сказать, духовность» (39) ... Для описания общественного состояния в 1900—1904 гг. агенты царской охраны в донесениях также использовали сочетание «общественная оппозиция», подразумевая неоформленное, стихийное выражение недовольства «нижних слоёв городского населения, мелкой торговой буржуазии, чиновников» (40). Слово «оппозиция» в данном контексте означало духовный настрой общества, характеризовало не осознанную позицию широких общественных кругов по отношению к власти, а эмоциональное состояние, недоверие власти, желание перемен. Характерно, что ни в архивных источниках, ни в сборнике «Общественное движение в России в начале XX-го века» о «массовой», «общественной» оппозиции как деятельной силе не говорится, но подчёркивается, что она может быть использована как вспомогательная сила организованными политическими движениями и революционными партиями.

Оппозиционная настроенность характеризовала духовно-нравственное состояние российской интеллигенции во второй половине XIX — начале XX века. Хрестоматийной в оте-

чественной и зарубежной историко-политической литературе стала точка зрения, что понятие «интеллигент» по отношению к России не имеет чёткого определения, а трактовать его следует как «оппозиционер-интеллектуал». Невозможность на протяжении длительного времени участвовать в общественно-политической деятельности, когда правительство запрещало вмешиваться в государственные дела и жестоко карало за всякое вмешательство, вела к увлечению думающих людей философскими, революционными идеями переустройства действительности. «Интеллигентские мечтания» (Милюков), «интеллигентские идеалы» (Бердяев) влияли в страстные антиправительственные речи и оппозиционные выступления на съездах интеллигенции, представителей земств и городских дум, особенно многочисленных накануне революции 1905—1907 гг. Это было следствием невозможности признать российскую социально-политическую действительность нормальной, справедливой, следствием условий жизненного существования (низкий материальный достаток) и профессиональной деятельности (ограничения духовной и политической свободы).

В отличие от «общественной» и «массовой» оппозиции самодержавной власти оппозиция, носителем которой выступала интеллигенция, несла в себе стремление к практической реализации идей. В статье, посвящённой столетию со дня рождения М. Бакунина, П. Б. Аксельрод писал: «в условиях старого режима в России политическая оппозиционная деятельность требовала такого высокого революционного идеализма, воодушевления и способности к самопожертвованию» к которым тогда способны были лишь лучшие элементы интеллигенции» (41). Из непримиримости самодержавия с интересами общего развития В. И. Ленин выводил явление «интеллигентской демократии», под которой подразумевал различные формы «оппозиции правительству со стороны интеллигенции как профессионального слоя» (42). Умственный настрой, нравственная позиция, в определённых условиях приводящая к активной и даже радикальной политической деятельности — вот что предпочитали обозначать сочетанием «оппозиция» в отношении российской интеллигенции философы, публицисты, представители российской политики конца XIX — начала XX века.

Массовая оппозиция, «дворянская оппозиция», «оппозиционер — интеллектуал» — эти словосочетания фиксировали и отражали ситуацию неудовлетворённости в результате проводимой государственной политики (точнее, отсутствия необходимых преобразований). Разница смыслового плана заключается в уточнении носителей недовольства, подчёркивая широту явления. Исходя из критерия «носитель недовольства политикой монархии», аналогичным выступает явление, обозначаемое в источниках как «капиталистическая оппозиция». Эта форма противостояния власти сформировалась в 1905 году, чтобы подвергнуть молчаливому бойкоту предложения правительственных комиссий по рабочему вопросу. Одна из составляющих описываемого противостояния — власть — неизменна, вторая компонента сужается до рамок конкретной социальной группы. Оппозиция здесь не только общественная позиция, но и форма выражения недовольства: не скрывая своего недовольства правительством, не особо досаждавая ему, возражать пассивно, молчаливо, не переступая невидимой черты, после которой можно вести речь о революции и революционерах.

Перечисленные примеры характерны для расширительной трактовки термина «оппозиция», под которой подразумевают все проявления недовольства правительственной политикой со стороны широких общественных кругов, конкретных сословий. В этом случае не акцентируется внимание на формах недовольства и перспективах перевода его в русло активной деятельности. В статье «Оппозиция» словаря Брокгауза — Ефрона подчёркивается, что «явлениям этого рода иногда отказывают в наименовании «оппозиция», но в исторических источниках второй половины XIX — начала XX века массовые народные движения часто именуют оппозицией».

Узкая трактовка термина связана с описанием организованной формы оппозиции и политического характера деятельности. В российской истории необходимости использовать тер-

мин «оппозиция» для указания на классические политические явления не было до начала XX века. «Рассуждения» в отечественных исторических источниках относительно данного вопроса опирались на западноевропейский опыт, где «разумеют под оппозицией всех членов парламента, законодательного собрания или административного учреждения, не согласных в своих мнениях с мнением большинства. Также... независимый образ мыслей членов парламента, тот, который заставляет их следить шаг за шагом за действиями правительства, противиться всему тому, что может быть предпринято вредного» (43). Долго живший за границей специалист по теории права Ю. С. Гамбаров в труде «Политические партии в их прошлом и настоящем», считал основным признаком политической партии то, что она есть часть общества, народа или общественной группы. На этом основании он делал вывод, что наличие в обществе одной партии, как его части, должно предполагать существование и другой — оппозиционной (44). Оппозиции как явлению исследователь придаёт исключительно политический характер и направленность (точнее, партийно-политический), а источники формирования оппозиционных партий, как и любых других, обнаруживает в многообразии и противоречивости социальных интересов.

Большое внимание уделяет месту и роли оппозиции как социально-политического феномена, отношениям между оппозиционными политическими силами и властью основатель российской политологии Б. Н. Чичерин. Оппозицию он рассматривает как действенную силу парламентской борьбы, которая играет «мобилизующую роль по отношению к правительству, принуждая его к более интенсивной и эффективной деятельности» (45). Б. Н. Чичерин подразумевает ответственность правительства не только перед парламентским большинством, на базе которого оно сформировано, но и перед оппозицией. В другом месте Б. Н. Чичерин указывает, что непрестанная борьба с оппозицией ведёт к ослаблению правительства и делает его положение шатким, причём, вина в этой борьбе лежит, по его мнению, на оппозиции. Таким образом, оппозиция скорее явление партийно-политическое, чем социально-политическое.

В источниках кануна революции 1905—1907 гг. часто встречается словосочетание «земская оппозиция» и «земско-либеральная оппозиция». Среди них конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», работа В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», статьи в либеральном журнале «Освобождение», работа И. П. Белоконского «Земство и конституция», выступления лидера октябристов А. И. Гучкова (46). Это не случайно: активные земские деятели, демократическая интеллигенция в требованиях созыва конституционного народного представительства выражали зародышевые процессы политического брожения и самоопределения. В период активной деятельности земств и городских дум в 1901—1904 гг. при описании историко-политической ситуации слова «оппозиция» и «политика» стали практически синонимами. Например, уверения крупной промышленной буржуазии после окончания революции 1905—1907 гг. в том, что они устраняют из своих организаций «элемент политики» воспринимались властью однозначно как устранение от «оппозиционной деятельности».

Оппозицией в период работы I—IV Думы стали называть как объединения, так и деятельность либерального крыла представителей российского партийно-политического лагеря. На долгие годы в отечественной историко-политической литературе утвердилось появившееся тогда же словосочетание «либеральная оппозиция». Понятие «либеральная оппозиция в России» пример понятия приблизительного, но лишённого рыхлости и неоднозначности. Оно достаточно чётко определяет фиксируемое явление с точки зрения хронологических границ, качественного своеобразия, специфики, проявляющейся именно в тех, а не иных методах деятельности (принципиальная ориентированность на легальную законотворческую деятельность в парламенте или вне его, подготовка общественного мнения к восприятию либеральных ценностей, противостояние или противодействие власти исключительно в духе реформаторских традиций российской интеллигенции). В сочетании «либеральная оппозиция» термин «оппо-

зация» выражает лишь одну сторону его сущностного содержания (с точки зрения схемы «власть — оппозиция»). Другая сторона проявляется в снижении уровня абстракции, в сужении объёма и расширении содержания посредством конкретизации понятия.

Таким образом, мы обнаружили направления спецификации понятия «оппозиции». Источники начала XX века все чаще ограничивают границы его использования рамками думской или иной чисто политической деятельности. Но политическая жизнь России исследуемого периода и в условиях Думской монархии отнюдь не ограничивалась парламентскими стенами. В широких общественных кругах в условиях стихии зарождения многопартийности все отчетливее формировалось осознание необходимости перемен, выдвигались требования политического реформирования государства. Оппозиция становилась социально-политическим явлением, имеющим в своей основе ближайшее общение с широкими массами населения.

С другой стороны, под оппозицией подразумевались конкретная политическая активность (принципиально легальная, законотворческая), отношение к властным структурам (стремление устранить некоторые дефекты, наиболее одиозные элементы царизма). Мы не встретим в источниках конца XIX — начала XX века чёткого определения, характеризующего оппозиционные силы. Контекстуальный анализ данного понятия позволяет, тем не менее, установить область его применения в России в исследуемый период в следующих масштабах:

- характеристика складывающегося социального явления, общественного настроения, вследствие ощущаемого обществом социального дискомфорта;
- нравственная позиция российской интеллигенции (представителей образованной части общества);
- категория политики;
- позиция и характер деятельности, принципиально отличные от радикальных методов.

Можно предположить, что спецификация и конкретизация понятия «оппозиция» затруднено не только тем, что стоящее за ним социальное явление мало изучено историко-политической наукой, но и вследствие широты явления, проникающего в самые разнообразные сферы общественно-политической жизни в силу специфики исторического периода. Поэтому нередко в общественном сознании это понятие приобретает разнообразные, а порой и полярно противоположные черты и свойства.

Контекстуальный анализ смыслового толкования термина «оппозиция» позволяет одновременно сделать выводы и в отношении ценностного содержания, вкладываемого в термин при оперировании им. Оценки, исходившие от представителей власти в период, когда самодержавие достаточно прочно занимало свои позиции, хотя и содержали долю опасений, но сохраняли нейтралитет по отношению к «оппозиционным выходкам и затеям», понимая, что последние малочисленны и исходят от сил, которые более склонны составлять «Оппозицию Его Величества», а не Оппозицию Его Величеству». В периоды же общего брожения самодержавие предпочитало чётче обозначать точку зрения на оппозицию. Манифест 17 октября 1905 года, официально признав факт существования политических партий, определил, что оппозиция — в целом нежелательное и недопустимое явление, но если возникает необходимость считаться с нею, предпочтительнее навязывать ей правила игры «сверху», меняя их в зависимости от соотношения сил в политической палитре (47).

Негативный характер носили оценки российской либеральной оппозиции начала XX века, хотя они исходили от противоборствующих социально-политических сил. Представители реакционно-консервативного лагеря и «охранительного» либерализма видели в «оппозиционном» либерализме (по терминологии Б. Н. Чичерина) «выражение того критического настроения русского общества, цель которого — собирать вокруг себя недовольных всех сортов из самых противоположных лагерей и с ними отводить душу в невинном свирепении, в особенности же протестовать, протестовать при малейшем поводе и даже без всякого повода... Известно, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться» (48). По

их мнению, такой общественный настрой, предъявляя безрассудные требования власти, препятствует гармоничному развитию государства. Оппозиционный либерализм подвергался критике и со стороны революционных демократов, но теперь уже за соглашательство и измену интересам народа. Как писал В. Ленин: «Колеблющаяся и изменническая оппозиция» ещё более способна, «безвредностью своей оппозиции», укреплять ненавистную самодержавную власть, становясь помехой «действительно борющимся революционным элементам» (49).

В историко-политической литературе конца XIX — начала XX века есть оценки оппозиции как естественного социально-политического явления, характерного для высокого уровня общественного сознания и общественно-политической практики, и как явления, достойного похвалы в российских условиях «бедности политической жизни». Социал-демократы — меньшевики считали, что только активность, которая в России начала века могла быть исключительно оппозиционной по отношению к самодержавной власти, вырывала общественные слои из политического небытия.

На наш взгляд, в российской историко-политической традиции отношение к оппозиции напрямую зависит от места, которое партийные и общественные силы занимают на политическом пространстве. Чем более политическая сила выражает стремление к обладанию власти, либо боязни потерять её, тем более она склонна придерживаться отношения к оппозиции как к явлению опасному и противоестественному. Использование понятия «оппозиция» в российской истории отражало сложившуюся социально-политическую ситуацию, а размах сопротивления самодержавию предопределил широту и многообразие оппозиции как явления и многозначность «оппозиции» как понятия.

В отечественной историко-политической науке вопрос формулировки критериев оппозиции как политической силы в рамках российской истории конца XIX — начала XX века специально не рассматривался. По вопросу об определении, что есть оппозиция как политическая сила в современной отечественной политической науке есть ряд подходов:

- противопоставление своей политики другой политике;
- выступление против мнения большинства или господствующего мнения в законодательных, партийных и иных структурах, декларирующих (по крайней мере) свою приверженность демократическим процессам.

Детальный анализ имеющихся в современной историко-политической науке определений «политической оппозиции» дал Г. В. Саенко. Он привёл пять подобных определений и сделал вывод, что они не дают полной характеристики изучаемому нами феномену, будучи односторонними, стремящимися либо обосновать существующую систему власти, либо отражая реальности отдельного исторического периода (50).

Г. В. Саенко в монографии «...оппозиция... оппозиция? Да здравствует Оппозиция!», исследуя феномен политической оппозиции в России 90-х годов, определил политическую оппозицию как «политически организованную часть общества, совокупность политических партий, движений и организаций, выражающих интересы тех его социальных групп и слоёв, которые выступают полностью или частично против политико-экономического курса, осуществляемого правящей партией или политическим режимом в целом, отстранены в той или иной мере от возможности участвовать в выработке важных для общества решений» (51). Опираясь на данное определение, можно рассматривать оппозицию не только как политического актора, но как как действующее лицо на социально-политическом пространстве. Положение политической оппозиции как субъекта политики было рассмотрено Г. В. Саенко на примере российской истории конца 80-х — 90-х гг. XX века. При этом ученый подчёркивает, что сформулированное им определение и предложенный категориальный аппарат лишь основа для изучения политической оппозиции в другие периоды российской истории.

Таким образом, в исторических источниках второй половины XIX — начала XX века словом «оппозиция» обозначался широкий круг явлений и событий российской истории.

Семантическую неоднозначность слова можно объяснить многообразием проявлений недовольства и противостояния власти общественных сил. Конкретизация слова «оппозиция» в качестве исторической категории должна проводиться в процессе анализа социально-политических процессов. Примером конкретного понятия может служить словосочетание «политическая оппозиция». Оно может использоваться для анализа разных форм организации и деятельности оппозиции в России в конце XIX — начале XX века: «либеральная оппозиция», «земская оппозиция», «радикальная оппозиция», следуя от общего к частному. Элемент, определяющий политический характер оппозиции, может быть признан ключевым, объясняющим базовые характеристики исследуемого явления.

2. Отношения власти и политической оппозиции

Положение оппозиции на политическом пространстве исследуют через анализ субъектно-объектных связей и отношений в политическом процессе. При первом приближении место и роль политической оппозиции возможно выявить через сопоставление признаков субъекта политики и ключевых характеристик исследуемого явления, фиксируемых в определении. Сравнение явлений «субъект политики» и «политическая оппозиция» при первом приближении даёт следующие результаты.

«Субъект политики» является действующим актором на политическом пространстве, уровень его политической активности является величиной динамической, он имеет политические интересы и цели, взаимодействует с другими субъектами политики, обладает властью или стремится к ней.

Активность политической оппозиции зависит от конкретной исторической ситуации, характера государственной власти, типа политического режима, нормативно-правовых отношений власти и оппозиции. В государстве, где политическая оппозиция существует законно, активность её постоянная и регламентированная. В других условиях оппозиция действует нелегально. Уровень активности может возрастать в переходные и кризисные периоды истории. Силы политической оппозиции выражают интересы социальных групп, слоёв, которые не представлены в органах государственной власти. Как субъект политики она оказывает или пытается оказывать влияние на государственную власть. Как правило, оппозиция не является субъектом власти, но стремление к власти может выступать сущностным свойством.

Конкретными объектами исследования в данном случае становятся:

- государственно-политическая система России конца XIX — начала XX века. Акцент делается на выяснение типа политического режима;
- генезис, структура и эволюция партийно-политической системы;
- условия формирования и характер отношений между властью и политическими партиями;
- формирование политической оппозиции, место и роль в политической системе;
- наличие альтернативных моделей социально-экономического и политического развития, представленных в программах оппозиционных политических сил, возможности их реализации.

Оформить множество эмпирических фактов, отобрать характеристики, которые раскрывают значение исследуемого явления, и установить соотношение между ними позволяет концептуальная модель (52). Учитывая, что политическая оппозиция как общественное образование относится к феноменам системной природы, сформулируем базовые элементы такой модели:

1. Организованный характер оппозиции предполагает длительное и прочное объединение индивидов или групп с определёнными целями и функциями. На политическом пространстве эти признаки реализуются в рамках партии.
2. Оппозиционная партия (блок партий, коалиция) должна иметь своё видение политического и экономического устройства общества и государства, занимать определённую позицию по конкретным проблемам общества.
3. Противостояние государственной власти как сущностная характеристика базируется на обоснованных, конструктивных началах преобразований, сформулированных в альтернативных программах.
4. Установление контроля над ключевыми позициями в структурах государственной власти и управления является для политической оппозиции не самоцелью, но средством получе-

ния властных полномочий для достижения целей, ибо только власть располагает монополией реализации программного курса.

5. Воздействие на государственную власть осуществляется посредством мобилизации общественного мнения, чтобы добиться проведения необходимой государственной политики, решения проблем, стоящих перед обществом.

Базовые характеристики можно объединить в теоретико-методологические блоки, а именно: «формы политической деятельности и борьбы», «потенциал влияния на политический процесс», «место в политическом пространстве», «структурная взаимосвязь «власть — оппозиция — общество», «спектр альтернатив».

Построение концептуальной модели зависит от целей исследования. Например, «политическая оппозиция с точки зрения проявления многовекторности политического процесса», или «политическая оппозиция как деструктивная и дестабилизирующая общественную систему сила». Внесение логической стройности в теорию политической оппозиции возможно на базе структуры понятий, характеристик явления, отражающих ряд сущностных признаков. Последнее предполагает отражение реальных процессов в обществе, накопление исторического материала.

Стратегия развития России на рубеже XIX — XX веков, как и в предыдущие столетия, определялась самодержавной властью. Одним из направлений было продолжение процессов модернизации по европейскому образцу в экономической сфере, начатых Петром I. В первое десятилетие царствования Николая II (1894—1904 гг.) по инициативе министра финансов С. Ю. Витте была начата серия перспективных экономических преобразований, сделаны шаги в направлении традиционной «попечительской» политики в рабочем вопросе (законодательное ограничение продолжительности рабочего дня 11,5 часа, страхование от увечий, полученных на производстве). Положительную роль сыграли упорядочение переселенческого дела, отмена круговой поруки членов крестьянской общины при уплате налогов и т. д. Но достаточно велик был и пакет не реализованных правительственных законопроектов: в стадии обсуждения находились вопросы о свободном выходе крестьян из общины, продолжении земской реформы, пенсионном обеспечении рабочих.

Объективно прогрессивная реформаторская линия сталкивалась с рядом препятствий, главным из которых стал сам инициатор преобразований — самодержавный аппарат. Причины этого противоречия заключались, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, модернизация экономической сферы неизбежно приводила к необходимости трансформации государственного аппарата, что, по мнению императора, ослабляло самодержавие и было равносильно краху России. Во-вторых, слишком сильна была инерция бюрократической машины, велики трения между министерствами (прежде всего министерством внутренних дел и финансов). Кроме того, реформы не воспринимались большинством населения как необходимые и желательные; основанные на мобилизационных (внеэкономических) методах хозяйствования, они оказались социально неэффективными, превратились в массовом сознании в негативную ценность.

На рубеже XIX — XX веков процесс модернизации России переживал кризис. 12 декабря 1904 года после долгих совещаний царь подписал указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Лейтмотивом этого программного документа стало положение о «непременном сохранении незыблемости основных законов империи». В неопределённой форме царь обещал устранить сословные ограничения для крестьян, расширить права земств и городских дум, ввести государственное страхование рабочих, сократить масштабы применения положения о чрезвычайных административных мерах на территории страны, проявить веротерпимость, отменить «излишние» стеснения печати и ограничения для «инородцев» (53).

О земле, политической свободе, конституции, парламенте в документе не было ни слова. Да и провозглашённые свободы и преобразования остались лишь декларацией. Среди раз-

личных направлений деятельности государственная власть в разряд приоритетных поставила незыблемость своего положения. При этом, такие базовые компоненты, определяющие целесообразность деятельности власти, как реализация национальных потребностей, национальных ожиданий и национальных интересов, ставились в зависимость от потребностей, интересов и безопасности самодержавия. Следствием стало углубление старых и появление новых противоречий в социально-политической, экономической, духовной жизни общества.

Противоречия, существовавшие в России на рубеже XIX — XX веков, можно классифицировать по уровням, т.е. по значимости и глубине запущенности. Верхний уровень порождился необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран. Второй уровень — противоречия, отражавшие специфику России, все ярче проявлявшийся разрыв между самодержавной формой правления и интересами прогрессивных слоёв населения. Третий — противоречия, порождённые первой мировой войной. Налицо был глубокий и всеохватывающий кризис — причина первой российской революции, которая стала «наказанием» самодержавию за неспособность адекватно ответить на вызов времени.

На какие-то уступки правительство все же пошло. 18 февраля 1905 года был издан ряд указов («Именной Высочайший указ Сенату», «Высочайший рескрипт» на имя нового министра внутренних дел А. Г. Булыгина), в которых в завуалированной форме проводилась мысль о необходимости привлечения «избранных от населения... к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений». По существу, речь шла об удовлетворении требований сторонников законодательного народного представительства.

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года заставила правительство отказаться от созыва законодательной Думы и издать 17 октября Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Манифест сводился к обещанию объединить деятельность высшего правительства и возложить на него выполнение трех важных задач:

- 1) даровать населению России гражданские права и свободы;
- 2) привлечь к выборам в Государственную думу более широкие слои населения по сравнению с избирательным законом 6 августа, оставив вопросы дальнейшего развития избирательного права Думе;
- 3) придать Государственной думе силу законодательной власти и обеспечить ей право «участия в надзоре за законностью действий поставленных от императора властей (54).

В разгар московского вооружённого восстания 11 декабря 1905 года правительство издало избирательный закон, основанный на сословно-куриальной основе. Были пересмотрены обещания, содержащиеся в Манифесте 17 октября. По закону от 2 декабря сводилось «на нет» право рабочих и служащих на забастовку, по всей стране проводились аресты подозреваемых и виновных в «антиправительственной пропаганде». Законом от 13 февраля 1906 года были запрещены все политические партии и союзы, выступавшие с критикой существующего строя либо призывавшие к его низвержению. 4 марта 1906 года правительство опубликовало «Временные правила об обществах и союзах». Организация стачек законом запрещалась, но разрешались профессиональные союзы, если их деятельность не касалась вопросов политики. Указ от 19 марта практически восстанавливал предварительную цензуру. И, наконец, 23 апреля 1906 года были изданы Основные законы, которые рассматривались современниками и оцениваются многими историками как первая российская Конституция.

Однако, реформы в политической области не стали плодом грамотно рассчитанной государственной деятельности. Они явились уступкой, отказом от сознательного курса на сокращение самодержавия в полном объёме, который проводил Николай II. Уступки были «вырваны» революционным натиском народа, что определило отрицательное отношение к ним со стороны императора и его окружения. Они были компромиссом между теми, кто хотел уничтожить царский строй, и теми, кто хотел сохранить его в неизменном виде. Уступки фиксировали

тот баланс противоположных сил, который сложился к началу революции 1905—1907 гг. Правящие круги должны были понять, что начатый манифестом 17 октября 1905 года процесс необратим и требует продолжения, но этого не желали принять Николай II и его советники, всего более стремившиеся вернуть общество к дореволюционному порядку. Граф В. А. Бобринский, уездный предводитель дворянства Тульской губернии, на Царскосельском императорском совещании 5—9 декабря 1905 года, по вопросу о созыве Государственной думы в унисон с другими участниками совещания констатировал, что Дума нужна не для разрешения тех или других отдельных вопросов, а для спасения государства и государя.

Политическая система России начала XX века не ограничивалась самодержавным аппаратом (включая Совет министров, Государственный совет, реорганизованный в 1906 году). Хотя существенным для изучения политического спектра царской России является тот факт, что политика самодержца и его правительства оказывалась вполне самостоятельным фактором, с которым постоянно и неизбежно взаимодействовали (отталкиваясь или притягиваясь) все остальные политические силы. Каковы были параметры этого взаимодействия?

Период конца XIX — начала XX века отличался целым рядом особенностей, которые характеризовали российский политический процесс. Прежде всего, «запоздавший» тип развития России, отчётливо проявившийся и в социально-экономической и в общественно-политической областях. Представительный орган (Государственная Дума) возник гораздо позже, чем в других странах мира, в той же Европе (несмотря на то, что в экономической области компас царской политики давно указывал на запад). Политические движения и союзы, заявлявшие открыто о своём существовании, стали объединяться в политические партии и организации. Исторический момент создал не только *возможность* образования или выступления политических партий на общественную арену, он вызвал их политическую *необходимость*.

На смену духовно-нравственной, идеологической оппозиции интеллигенции второй половины XIX века, группировавшейся вокруг художественных и публицистических журналов, пришла оппозиция, консолидирующаяся и дифференцирующаяся на уровне политических программ и действий. В статье «Партии или союзы», опубликованной в апреле 1905 года в №55 газеты «Сын отечества» П. Н. Милюков писал: «Мы переживаем трудный процесс переработки литературных мнений в политические программы» (55).

После Манифеста 17 октября 1905 года Россия оказалась в принципиально новом состоянии с точки зрения условий политической деятельности. Российское общество добилось ряда прав и свобод, установления в стране представительного органа власти в лице Государственной думы. Важным аспектом становления партийно-политической системы было затягивание царским правительством реализации указа от 4 марта 1906 года, регламентировавшего процессы регистрации политических партий.

Партии консервативно-охранительного направления действовали легально и даже получали поддержку, в том числе и финансовую, со стороны авторитарного режима и его структур (56). Иначе обстояло дело с либеральными партиями. ЦК кадетской партии после опубликования правил 4 марта 1906 года тоже решил легализоваться, для этого придал партийному уставу форму, соответствующую требованиям. Для регистрации градоначальнику был представлен Устав партии. Но срок представления истёк в мае 1906 года, и партия не была зарегистрирована на том основании, что Присутствие по делам об обществах в Петербурге ещё не конституировано. Между тем, в некоторых губерниях губернатор и полиция начали преследовать кадетские партийные учреждения как не легализованные. Когда кн. П. Долгоруков обратился с жалобой к министру внутренних дел П. А. Столыпину, тот в циркуляре губернаторам предложил смотреть на кадетские учреждения как на легальные впредь до окончания дела о регистрации. 1 сентября 1906 года вопрос регистрации был рассмотрен в Присутствии и решён отрицательно на том основании, что «цели партии Народной Свободы неопределённые» (57). Тогда устав был переработан и вновь представлен градоначальнику. 30 января 1907 года был

получен отрицательный ответ на том основании, что среди подписавших устав были лица, привлечённые по выборгскому делу. Устав был исправлен. В начале марта 1907 года последовал отказ с мотивировкой, что в §1 не указано, какими способами будут достигаться цели, поставленные партией. Это было обжаловано в Сенате и одновременно представлена новая версия Устава с положением, что цели партии будут достигнуты только «законными способами». На этом дело регистрации партии кадетов остановилось.

Вопрос необходимости легализации партии кадетами поднимался не раз. На заседании Центрального Комитета 9 июня 1915 года П. Н. Милюков заявил, что может быть целесообразным ходатайство о легализации партии, так как приступить к более или менее широкой организации партии в стране без этого нельзя. Ему возразили В. А. Маклаков, Ф. И. Родичев, Д. И. Шаховской, ссылаясь на тот факт, что «неудобно легализоваться в тот момент, когда левых за одну принадлежность к нелегальным партиям ссылают в Сибирь...» И вопрос принципиально был снят с повестки дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.